

УДК 81

НУРАЛИЕВА Катиба Зейдуллаевна,
кандидат филологических наук

NURALIEVA Katiba Zeidullaevna
Candidate of Philological Sciences

**ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В
КОММУНИКАТИВНО-ЭКСПРЕССИВНЫХ
СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ
РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

**PARENTHESIS STRUCTURES IN
COMMUNICATION-EXPRESSIVE SYNTACTIC
UNITS OF CONVERSATIONAL SPEECH IN
FICTION OF THE FIRST HALF OF XX CENTURY**

Экспрессивное содержание вставных конструкций детерминировано контрастным соотношением основного линейного плана изложения и вставного плана, отображающего субъективно-авторскую позицию. Авторская линия, заключенная во вставной конструкции, позиционируется как второй слой уровня каждого конкретного высказывания и целого текста; причем экспрессивность строится на контрасте главной линии последовательных высказываний и авторских комментариев.

The paper considered the expressive core of the parenthesis structures that has been determined by the relation of contrast (between the general line narration layer and an insertion layer), the latter showed the author's private position. An author's line being encased in a parenthesis structure has been positioned for the second layer, at the level of every individual statement and of the whole text; the expressiveness thereof being shaped with the contrast of the general line of successive statements with comments made by the author.

Ключевые слова: разговорный стиль, экспрессивность, синтаксические конструкции, грамматически зависимые вставки.

Key words: conversational style, expressiveness, syntactic structures, grammatically dependent parenthesis.

Ко второй половине XIX в. в русском национальном языке в значительной степени определились его частные системы: русский литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты и переходные типы речи. Но особенности русского языка советского времени складываются еще в период мировой войны, окончательно оформляясь в 20-е гг. XX в., и характеризуются такими языковыми процессами, как политизация языка, превращение многих слов в символы принадлежности человека к определенной общественно-политической группе, расшатывание языковых норм в массовом употреблении и речи заметных общественных деятелей; ростом взаимного недопонимания между различными социальными группами.

Вставные конструкции в составе предложения – это синтаксическая конструкция, характеризующаяся специфической интонацией включения, не нарушающая интонационной целостности основного предложения и выражающая дополнительные замечания, пояснения, уточнения, поправки, направленные на конкретизацию содержания основного предложения [7, с. 79]. К тому же подобные конструкции детерминируются как «...метатекстовые комментарии говорящего к собственному высказыванию» [9, с. 110]: «*Катастрофа... Теперь понимаю... Но вот в чем ужас – они, наверное, ушли в пешем строю. Да, да, да... Несомненно. Вероятно*» [3, с. 124].

Предложения со вставными конструкциями занимают особое место в ряду расчлененных структур, так как не являются новым синтаксическим построением, они существовали и ранее, выполняя преимущественно неэкспрессивные функции. Вставные компоненты осложняют простое предложение, не входя в его основной состав. Такие вставки выделяются на письме (тире, скобки) и в устной речи (интонацией). Они считаются особой внутренней речью, выполняя функцию выражения автором своего мнения, иронии по поводу происходящего, и передачи объективной информации относительно героев или событий.

В последние десятилетия XIX в. и первой половине XX в., в связи с развитием других конструкций коммуникативно-экспрессивного синтаксиса, вставные компоненты стали рассматриваться иначе – прежде всего с точки зрения средств, выражающих экспрессию. Экспрессивной становится только та конструкция, которая направлена на достижение прагматического эффекта. Экспрессивное функционирование предложений со вставными компонентами связано с такой реализацией двуплановости, когда в качестве вставной, то есть второй линии изложения материала выступает субъективно-авторская позиция.

Двуплановость в такого рода конструкциях представлена по контрасту – наличием основного линейного повествования и второго, более глубокого, субъективно-авторского плана изложения: «Современная наука... дошла до невозможного. Возьмите, скажем, у клиента прыщик на подбородке выскочил. Раньше до заражения крови доходило, а теперь – не знаю, правда это или неправда, – на каждого клиента отдельная стерилизованная кисточка полагается» [5, с. 62]. При экспрессивном использовании видоизменяется и основная функция вставок, а

именно – внесение дополнительной к содержанию основного предложения информации. Например: «*Типичный кулачок по своей психологии, – ... которому, очевидно, приспичило обличить Рюхина, – и притом кулачок, тщательно маскирующийся под пролетария*» [3, с. 71] – в такой вставной конструкции сообщаются важные для понимания всего высказывания сведения, требующие актуализации, выделения.

При выделении трудноразделяемых сегментов достигается более высокая степень экспрессивности: «*Прушевский задержался вниманием на Воцее: неужели они тоже будут интеллигенцией, неужели нас капитализм родил двоечниками, – боже мой, какое у него уже теперь скучное лицо!*» [6, с. 165]. Часто вставные конструкции являются продолжениями основной части предложения: «*Его вполне радовала такая слаженность и гордая откровенность природы – и доставляла сознанию большое удивление*» [6, с. 201].

Употребление вставных компонентов для создания второй, субъективно-авторской линии изложения и гибкость расположения объясняют включение во вставные конструкции элементов, которые, казалось бы, вообще нельзя вычленивать – это служебные слова и морфемы. В соответствии с характером грамматического оформления выделяются два типа вставных компонентов – грамматически зависимые и грамматически независимые.

Грамматически зависимые вставки оформляются как члены предложения и части сложного предложения. Активно вычлениваются вводные слова и словосочетания, так как во вставке необходимо выявить авторскую позицию, а также продемонстрировать большую подвижность рассматриваемых конструкций, сразу или по ходу изложения обратить внимание читателя на важную информацию из базовой части предложения. Такова ситуация, например, в следующих предложениях: «*Ясное дело, надо окна вскрывать, – сказал Николка*» [3, с. 36]; «*Я, изволите ли видеть, состою переводчиком при особе иностранца, имеющего резиденцию в этой квартире, – отрекомендовался назвавший себя Коровьевым и щелкнул каблук рыжего начищенного ботинка*» [3, с. 49].

Грамматически независимые вставные компоненты представляют собой отдельное предложение или группу предложений. Во вставке может оказаться предложение любой структуры и состава – простое (синтаксически членимое и нечленимое, односоставное и двусоставное, полное и неполное и т.п.) и сложное (различных структур). Например, в «Ювенильном море» Платонова читаем: «*Директор глянул на эту женщину, как на всю федеративную республику, – и ничего не сумел промолвить, сколько он ни отправлял в республику продукции, выполняя промфинплан до полутора процента, республика все говорила: мало даешь, и сердилась*» [6, с. 284]. В данном фрагменте вставная часть, существующая в содержательном плане параллельно основному предложению, состоит из комбинированного сложного предложения, которое является комментарием к компоненту «глянул».

Экспрессивность вставных конструкций обусловлена контрастным сопоставлением двух планов изложения – основного линейного и вставного, отражающего субъективно-авторскую позицию. Авторская линия, содержащаяся в вставке, представляет собой второй слой, уровень каждого конкретного высказывания, а также целого текста. При этом экспрессивность основывается на контрасте главной линии последовательных высказываний и авторских комментариев.

При реализации приема градации (нарастания) в предложениях со вставными конструкциями элементы фигуры располагаются, как и в однолинейном повествовании, по возрастающей интенсивности. Возможности вставочности позволяли писателям поместить первый член пары, подвергающийся усилению, в основное предложение, а второй член пары с градационным признаком – во вставку: «*Стойка со штемпелями, расположившимися по росту – от самого маленького: «Не возражаю. Полыхаев», до самого большого – универсального, напоминало мудреный цирковой инструмент, на котором белый клоун солнцем ниже спины играет палочками серенаду Брага*» [5, с. 58]. Реализация экспрессивности осуществлялась также при использовании приема противопоставления. Экспрессия в этом случае возникала в результате выделения второго члена сопоставляемой пары вынесением его в иную линию изложения. В данном приеме участвовали большей частью слова одного семантического класса. Отрицание одного из членов ряда усиливало контраст и сосредоточивало внимание на необходимом компоненте. Чаще всего во вставных конструкциях указывался крайний (часто отрицательно-оценочный) признак в синонимическом ряду, где первый член пары характеризовался нейтральной или положительной направленностью: «*Я, может, своего разрешения на операцию не давал. А равно (человек завел глаза к потолку, как бы вспоминая некую формулу), а равно и мои родные. Я иск, может, имею право предъявить*» [3, с. 49] – «разрешения... не давал – а равно и мои родные» и «иск... имею право предъявить» относятся к юридической терминологии.

Вставные конструкции увеличивали содержательно-информационный объем предложения, чаще воспроизводя те или иные схемы простых (в некоторых случаях и сложных) предложений, отражая авторскую позицию к излагаемому. Последнее было актуально для изображения разговорной речи (для устной формы в первую очередь) городского жителя, стремящегося к максимальной выразительности и информативности. Кроме того, вставные конструкции могли быть осложнены лексико-морфологическими и синтаксическими средствами (междометия, обращения, экспрессивные частицы) и употреблением определенных по целенаправленности типов предложений с определенными пунктуационными знаками.

Таким образом, вставные конструкции в синтаксических конструкциях, имеющие коммуникативно-экспрессивную направленность, являлись неотъемлемой частью устной разговорной речи первой половины XX в., что нашло свое отражение в художественных текстах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Алефиренко Н.Ф.* Проблемы системно-семантического описания коммуникативного синтаксиса / Коммуникативно-прагматическая семантика. Сб. науч. тр. – Волгоград, 2000.
2. *Бельчиков Ю.А.* Некоторые вопросы развития русской разговорной и книжной лексики во II половине XIX в. Филологические науки. – 1975. – № 6.
3. *Булгаков М.А.* Избранное. – М., 1983.
4. *Загорулько А.П.* Вставные конструкции, осложненные вводными словами и словосочетаниями в русском языке // Язык. Дискурс. Текст. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного педагог. университета, 2004. – С. 74–76.
5. *Ильф И. и Петров Е.* Золотой теленок. – М., 1992.
6. *Платонов А.П.* Избранное. – М., 1981.
7. *Сковородников А.П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск, 1981.
8. *Шолохов М.* Поднятая целина. – М., 1989.
9. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др./ под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т.2. – М., 2008.

REFERENCES

1. *Alefirenko N.F.* Systemic problem-semantic description of communicative syntax. Semantics Communicative and pragmatic. Coll. scientific. tr. Volgograd, 2000.
2. *Belchikov Y.A.* Some issues of Russian colloquial vocabulary book and in the II half of the XIX v. *Filologicheskie Sciences*. 1975. No. 6.
3. *Bulgakov M.A.* Favorites. Moscow, 1983.
4. *Zagoruiko A.P.* Plug-in design, complicated introductory words and phrases in Russian language. Language. Discourse. Txt. Rostov-on-Don: Izd. Rostov State teacher. University, 2004. P. 74–76.
5. *Ilf I. and Petrov E.* Golden Calf. Moscow, 1992.
6. *Platonov A.P.* Favorites. Moskva. 1981.
7. *Skovorodnikov A.P.* Expressive syntax of modern Russian literary language. Tomsk, 1981.
8. *Sholokhov M.* Raised tselina. Moskva. 1989.
9. Collegiate Dictionary Directory linguistic terms and concepts. Russian language: in 2 vol. A.N. Tikhonov, R.I. Hashim, G.S. Zhuravlev et al. Under obsch.red. A.N. Tikhonov, R.I. Hashimova. V.2. Moskva. 2008.

Информация об авторе

Нуралиева Катиба Зейдуллаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка, зам.декана по научной работе и информатизации филологического факультета, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала (Республика Дагестан) Россия

katiba@yandex.ru

Получена: 19.12.2014

Information about the author

Nuralieva Katiba Zeidullaevna, Candidate of Philological Sciences, Professor of Chair of Theory and History of the Russian language, the Deputy Dean on Scientific work and Informatization of the Faculty of Philology, The Dagestan State Pedagogical University.

Makhachkala city, Republic of Dagestan, Russia
katiba@yandex.ru

Received: 19.12.2014